

Велес Тандржи

КОД: "БЕЛАЯ ВЕДЬМА"

Велес Ганджи

Белая ведьма

<https://litres.ru/73188883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они забрали у неё всё: дом, семью, саму радость жизни. Но та ночь, которая должна была стать концом, стала лишь началом. Теперь в её жилах струится не кровь, а холодная ярость, а силу для мести она черпает из самой тьмы.

Её мир теперь делится на две части: тех немногих, кого она будет защищать любой ценой, и тех, кто столкнётся с её беспощадной охотой. Под покровом ночи она ведёт свою войну, шаг за шагом приближаясь к тем, кто когда-то разрушил её мир. Но в паутине лжи и старых кровавых тайн она обнаруживает, что истинные виновники могут быть куда ближе и опаснее, чем она могла предположить.

Это история не о романтике, а о цене возмездия. О том, как далеко можно зайти в поисках справедливости, не потеряв последние остатки человечности. Готовы ли вы пройти этот путь вместе с той, для кого каждое падение врага это шаг к покою тех, кого она любила?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Велес Ганджи

Белая ведьма

Глава 1

Здесь нельзя сказать «деревья стоят». Они возносятся — лиственницы, кедры, пихты — колоннами в небо, такое же древнее и холодное, как сама земля. Воздух густой, настоящий на смоле, сырости прелых веков и тишине. Не на отсутствии звука, а на плотном, бархатном гуле: шелест хвои на высоте, где гуляет ветер, далёкий крик кедровки, скрип стволов, будто лес неторопливо дышит.

Свет сюда пробивается не лучами, а редкими золотыми монетами, упавшими сквозь хвойную броню. Он скользит по седым бородам лишайника, свисающим с ветвей, и зажигает изумрудные вспышки мхов, ковром укрывших каждый камень, каждый обомшелый валежин. Под ногой не земля — тысячелетняя перина из хвои, гниющих стволов и вечной мерзлоты, прикрытая тонкой кожей мха. Она пружинит беззвучно, поглощая шаг.

Это царство не зелени, а оттенков хвои, мха, коры и камня. Цвет — редкий гость: алая капля брусники в моховой чаше, лиловый огонёк иван-чая на редкой просеке, сизый отлив на перьях глухаря. Всё остальное — величественная мо-

нохромная гамма: от черноты влажной коры до серебра лишайника, от бронзы старой хвои до изумрудной зелени молодой поросли у света.

Здесь чувствуешь не размер, а время. Кедр, который был старшиной этой чащи, когда твоего народа ещё не было на карте. Камень, отполированный ледником. Тишина, которая помнит рёв мамонтов. Это не место для прогулок. Это храм стихий, где человек — случайный, затерянный путник. Лес позволяет идти, он не приветлив. Он наблюдает. Он помнит. Он просто есть — бескрайний, безмолвный и бесконечно древний, как само дыхание земли.

Дуб стоит на изгибе реки, как древний часовой, вросший в самую плоть берега. Это не просто дерево, а твердыня. Его ствол — колонна, сложенная из бронзовой коры, изборозжённой глубокими трещинами, как морщинами на лице времени. Три, а то и четыре взрослых человека, взявшись за руки, не обхватят его. Кряжистые ветви, толще иных сосен, тянутся к небу с тяжеловесной, неспешной мощью, а их узловатые сучья похожи на мышцы исполина.

Но сердце этой мощи — дупло. Огромная, тёмная расщелина в самом основании ствола, у самой воды. Будто река, точившая камень веками, выгрызла и в древесной плоти эту пещеру. В неё можно вползти, сидеть там, согнувшись, слушая, как снаружи ревёт поток. Внутри — тёмно, пахнет сырой гнилью, трухой веков и холодной глиной. Это вход в иной мир, в тайную утробу леса.

Река у его подножия не просто бурлит. Она ярится, бьётся о камни, носит на себе пенистые гребешки и клокочет студёной белой пеной. Вода, цвета старого свинца, с рёвом огибает ствол, вымывая из-под корней рыжий песок и округлые гольши. Брызги долетают до дупла, и его края всегда влажные, чёрные, будто плачут.

А вокруг — вечный полумрак сибирской тайги. Стволы лиственниц и кедров теснятся позади, словно свита для исполинского царя-дуба. Свет сюда пробивается скупой рябью, отражённой от водной стихии, и играет на могучих изгибах коры. Это дерево — не часть пейзажа. Это свидетель. Оно помнит каждый паводок, каждую бурю, каждый зверя, приходившего к водопою, и каждого человека, что искал у его корней пристанища. Оно стоит на страже стихий, на стыке воды, земли и леса, и его дупло — это тёмное, внимательное око, взирающее на неугомонный поток жизни и времени.

Холод был первым, что вернулось к ней. Ледяная дрожь, идущая изнутри, от самой сердцевины, где должно биться сердце. Потом — вес. Давящая, липкая пелена на коже, запах меди и сырой земли, смешавшийся с дурманящим ароматом гниющего дуба.

Её пальцы впились не в кору, а во что-то мягкое, трухлявое и живое — во внутреннюю плоть дерева. Она оттолкнулась, как пловец от дна чёрного омута, и выползла наружу в судорожном, рвущем горло спазме. Свет, даже этот тусклый, пронизанный туманом и зеленоватым полумраком леса, ре-

занул глаза.

Она рухнула на сырой мох у подножия исполинского дуба, тяжело дыша. Воздух обжигал лёгкие. Она смотрела на своё тело, не узнавая его. Белая, почти фарфоровая кожа, мерцающая в полутьме, была испещрена причудливыми узорами — не ранами, а лопнувшими сосудами, тёмно-багровыми и синими, как корни. Они сходились к центру груди, где... ничего не было. Ни шрама, ни раны. Только гладкая, холодная кожа.

Но кровь. Её было много. Она застыла коркой на руках, бёдрах, спутала пряди волос. Она была тёплой там, где соприкасалась с кожей, и уже ледяной и липкой на мху. Эта кровь не казалась своей. Она была просто фактом, как роса на траве.

Она попыталась поймать хоть одну мысль, имя, образ. В голове был только густой, непроглядный туман, звенящая пустота.

Кто? Где? Что?

Лес вокруг молчал, затаившись. Даже шумная река неподалёку звучала приглушённо, будто за ватой. Исполинский дуб с его чёрным, зияющим дуплом нависал над ней. Из темноты внутри ещё тянулся слабый парок, и пахло оттуда не сыростью, а чем-то старым, тёплым и чуть сладковатым — как забытое дыхание.

Она прикоснулась ладонью к мху. Холодная жизнь зелени. Она сжала пальцы в кулак, ощутив, как под ногтями застре-

вает земля и собственные засохшие следы. Это было единственное реальное ощущение в мире, который был чистым листом.

Она была здесь. Она была жива. Она ничего не помнила. А из тёмного отверстия в дереве, будто пуповина, всё ещё тянулась в мир тонкая нить необъяснимого тепла.

Она не пошла. Она поползла.

Сначала — от дерева. Инстинкт, глубже памяти, гнал её прочь от этого тёмного дупла, которое было и утробой, и могилой. Колени и ладони впивались в холодный мох, в хвойную подстилку, оставляя на ней смазанные следы из грязи и подсохшей крови. Каждый звук заставлял её замирать — треск ветки, шорох в папоротнике. Её собственная нагота была не стыдом, а уязвимостью. Каждый лист, каждое касание ветки к коже было сообщением из мира, языка которого она не знала.

Она начала с воды. Река привлекла её не просто жаждой. Её гул был первым постоянным звуком в этом безмолвии. Добравшись до берега, она долго смотрела на стремительные, свинцовые струи, прежде чем коснуться их. Вода была ледяной, обжигающе чистой. Она смывала кровь, и та вилась в воде багровыми дымками, прежде чем исчезнуть. Отражение в тёмной заводии заставило её замереть: белое лицо с пустыми глазами, волосы, похожие на спутанные водоросли, и эти странные, паутинистые тёмные прожилки под кожей. Это лицо ничего ей не сказало.

Потом — с еды. Голод пришёл внезапно, спазмом. Она срывала красные ягоды брусники с низких кустиков, наугад, наблюдая за белками. Те ели — значит, можно. Кислый сок разъедал пустоту внутри. Нашла гриб — крепкий, светло-коричневый боровик. Поцарапала ногтем шляпку, понюхала. Память тела? Или просто удача? Она отломил кусок, пожевала. Землистая плотность, тихая победа.

Она строила карту не из ориентиров, а из ощущений.

Место, где пахнет медью и страхом — там она нашла растерзанную тушу зайца, и воздух вибрировал от незримого, тяжёлого взгляда из чаши. Она ушла тихо и быстро.

Место, где солнце — редкая, заболоченная просека, где мох уступал место жёсткой траве и теплу. Здесь она грелась, свернувшись калачиком, как ящерица, и впервые заснула не от изнеможения, а потому что было безопасно.

Место, где тишина — глухая ельник, где даже ветер не шумел. Там она сидела часами, и в тишине начали проступать отдельные звуки: жужжание мошки, скрип дерева, её собственное сердцебиение. Это было похоже на воспоминание.

Она не искала дорогу *отсюда*. Она искала дорогу *в себя*. Каждый камень, каждое растение было подсказкой. Она трогала кору кедра — шершавую, живичную, и ей казалось, что где-то внутри должна быть память о другом прикосновении. Она смотрела, как муравьи тащат хвоинку, и чувствовала смутное уважение к их ясной цели.

Ночь была главным испытанием. Темнота в лесу — абсолютная, осязаемая. И тогда в ней просыпалось иное. Её зрачки расширились, ловя малейшие проблески — свет звезд на влажной коре, фосфоресцирующий грибок на гнилушке. Она начинала *слышать* больше: подземный ход крота, сонное дыхание птицы в дупле. Голод оборачивался не слабостью, а звериной, сосредоточенной остротой. Однажды, в лунную ночь, она поймала зазевавшуюся мышь быстрым, точным движением руки. Ела не с отвращением, а с холодным, практичным интересом, чувствуя, как тёплая энергия растекается по телу.

Она возвращалась к дубу. Не каждый день. Но он был точкой отсчёта, пупом этого нового мира. Сидела рядом, спиной к шершавой коре, и смотрела на реку. Память не возвращалась. Но возвращалось нечто иное — понимание. Понимание, как читать следы на земле. Как отличить съедобный корень от ядовитого по одному виду листа. Как спать чутко и просыпаться от шага за полсотни метров.

Лес перестал быть враждебной пустотой. Он стал учебником, написанным на языке холода, голода, звука и запаха. А она — его единственным, внимательным и всё более странным учеником. Она изучала лес, а лес, казалось, медленно, не спеша, начинал признавать её. Но не как гостя. Как часть себя — бесшумную, бдительную и всё ещё загадочную даже для самой себя. Её прошлое спало в чёрном дупле дерева. А настоящее было здесь — в каждом шаге по хрустящему

мху, в каждом глотке ледяной воды, в тихом, немигающем наблюдении за миром, который теперь был её единственным домом.

Глава 2

Охота началась не со звука, а с молчания.

Весь лес замер. Исчез привычный шелест, писк, перекличка птиц. Остался только свист ветра в верхушках кедров и её собственное, внезапно громкое, дыхание. Она замерла, держа в руках только что выкопанный корень папоротника. И почувствовала взгляды. Не один. Множество. Они пришли с подветренной стороны, и теперь висели на ней, холодные и оценивающие, из чащобы.

Она бросилась бежать не от страха, а от древнего, внезапно вспыхнувшего в крови инстинкта: стаю не встречают в одиночку. Бежала к реке, к знакомым камням, где можно спиной прикрыться. Но было поздно. Из-за стволов, мягко, почти бесшумно, вышли тени. Серые, плотные, с янтарными точками глаз. Волки. Не трое, не пятеро — целый клан, семь, восемь зверей. Вожак, седой у морды, с холодным, почти интеллектуальным взглядом, преградил ей путь к воде.

Они не набрасывались сразу. Они взяли её в кольцо. Их рычаг был низким, похожим на отдалённый гром. Она отступала, спина наткнулась на склон огромного валуна. Ловушка. Адреналин ударил в виски, но вместо паники пришла странная, ледяная ясность. Мир замедлился. Она видела каждую мышцу, играющую под серой шкурой ближайшего волка, капельку слюны на его клыке, малейшее движение

уха вожака.

Первый бросок был молниеносным. Молодой, нетерпеливый зверь с рыжиной на боку. Обычный человек увидел бы лишь серый сгусток. Она же увидела траекторию. Её тело среагировало само — не отскоком, а смещением вбок, и рука, будто сама собой, взметнулась вверх. Не кулаком — когтями. Откуда взялись длинные, острые, обсидианово-чёрные когти, выдвинувшиеся из её ногтей? Она не успела подумать. Только ощутила, как они рвут шкуру, мышцы, скользят по рёбрам зверя. Волк взвыл от боли и удивления, откатившись в сторону.

В воздухе повисло потрясение. И ярость. Кольцо сжалось. На неё набросились сразу двое. Время перестало течь. Оно пульсировало вспышками действия.

Вспышка. Удар когтистой ладонью по горлу первого. Хруст, хлюпающий звук. Тёплый ливень на руку.

Вспышка. Чужая тяжесть на спине, горячее дыхание в затылок. Удар локтем назад — точный, чудовищно сильный. Она услышала, как ломаются кости черепа.

Вспышка. Боль. Клыки, вонзившиеся в бедро. Рефлекторный удар коленом в морду. Ещё хруст.

Она не сражалась. Она убирала препятствия. Её движения были лишены страха, лишены человеческой рациональности. Это была чистая, смертоносная геометрия, управляемая инстинктом, острее волчьего. Её тело было оружием — гибким, невероятно прочным, нечеловечески быстрым. Ко-

гда вожак, рыча от бешенства, бросился в последнюю, решающую атаку, она встретила его не уклоном. Она прыгнула навстречу. Схватила его за горло и загривок в прыжке и, используя его же инерцию, ввернула ему шею с тихим, влажным щелчком, обрушив на землю тушу в два раза тяжелее себя.

Тишина.

Не та, что была до охоты. А тяжёлая, густая, пропитанная запахом крови, горячих внутренностей и смолы. Она стояла, тяжело дыша, среди тел. Её белое тело было исчерчено алыми полосами. Укус на бедре жёг огнём, но плоть уже... стягивалась. Она видела это своими глазами: края рваной раны медленно, как живые, тянулись друг к другу.

И тогда, глядя на свои окровавленные руки, на эти чёрные, втягивающиеся обратно когти, на седого вожака с неестественно вывернутой головой, её настигло не ужас, а понимание. Ошеломляющее, абсолютное.

Она посмотрела на убитых зверей — сильных, совершенных хищников тайги. Она убила их голыми руками. В одиночку.

Я не ранена смертельно. Я не устала. Я не чувствую... триумфа. Только холод. И голод.

Это была не мысль. Это был приговор, вынесенный ей самой реальностью.

Она подняла голову и вдохнула воздух, полный смерти. Запах волчьей крови был... отталкивающе резким, звери-

ным. Но под ним, слабым шлейфом, вился другой — тёплый, солоноватый, пульсирующий. Запах жизни, что ещё билась в одном из раненых зверей. И её слюнные железы отозвались резкой, болезненной судорогой. Не голод к мясу. Жажда.

Она отшатнулась от себя самой. От этого открывшегося чудовища.

Она была не человеком, чудом выжившим. Она была чем-то иным, что само являлось чудом — ужасным и необъяснимым. И лес вокруг, тот самый, что она начала изучать, смотрел на неё теперь другими глазами. Не на потерянное дитя. А на нового, самого страшного хищника, только что доказавшего своё право стоять на вершине. И ей теперь предстояло изучить самое пугающее и незнакомое существо в этой чащобе: саму себя.

Случайность. Всё в этом новом мире держалось на случайностях — рождение, смерть, встреча. Она шла, не разбирая пути, уходя от места бойни, от запаха собственной чужеродности. Её тело горело странным, смутным огнём: раны затянулись, оставив лишь розовые, быстро бледнеющие полосы, но внутри всё было вывернуто, перепахано пониманием.

И вот она наткнулась на него. Не логово даже — а убежище. Расщелина под выворотнем огромной ели, прикрытая свисающими корнями и папоротником. Запах выдал его раньше вида: тёплое молоко, мех, слабая жизненная сила и... смерть. Острая, недавняя нотка разложения.

Она раздвинула папоротник. Внутри, на подстилке из мха и шерсти, лежали они. Пять слепых комочков серого пуха. Четыре тихо пищали, тычась носами в холодный бок уже окоченевшей волчицы с перегрызенным горлом — следы рыси, медведя? Пятый, самый маленький, лежал в стороне, едва дыша.

Она замерла на краю. И увидела не волчат. Увидела пустоту. Ту самую, что была у неё внутри. Беспомощность, брошенность, слепое требование жизни в мире, полном зубов и когтей. Это зеркало было невыносимым.

Она повернулась, чтобы уйти. Пусть лес решит всё по своим правилам. Но тихий, почти иссякший писк самого слабого волчонка зацепил её за живое, за какую-то новую, незнакомую жилу. Не жалость. Что-то глубже. Глухой отзвук инстинкта, который оказался сильнее ужаса перед самой собой.

Она вошла внутрь. Оттащила тело волчицы в сторону (оно было легким, она — невероятно сильной) и присела на корточки. Волчата, чувствуя движение и тепло, потянулись к ней. Их крошечные носы тыкались в её холодные ноги, ища сосок. И в её груди, в ответ на этот слепой поиск, что-то сжалось. Не эмоция. Физическое ощущение — тугая, почти болезненная волна жара, бегущая по телу. То самое, что она чувствовала у убитого волка — жажда. Но теперь эта энергия развернулась, изменила вектор.

Она не думала. Её пальцы сами нащупали маленькую, беспомощную пасть. Она приподняла волчонка. И ощутила, как

на груди, там, где до этого была лишь гладкая кожа, возникает странное давление, а затем — влажная теплота. Она посмотрела вниз.

Из её собственной груди, из точки, которой раньше не было, сочилась не молоко. Жидкость была гуще, прозрачнее, с легким перламутровым отсветом, словно разбавленный лунный свет. Она пахла не молоком, а жизнью в её чистейшей, концентрированной форме: холодным горным воздухом, глубинной водой, нектаром ночных цветов.

Первый волчонок захлебнулся, засопел, потом начал сосать, слабо и отчаянно. Волна острого, непривычного ощущения — не боли, а глубокой, сокровенной отдачи — пронзила её. Один за другим, она прикладывала к себе слепых детёнышей. Самый слабый, тот, что уже почти не двигался, ожил последним. Его крошечное сердечко под её пальцами забилося чуть увереннее.

Она сидела в полумраке логова, спина прижата к корням ели, и кормила волчье потомство своей нечеловеческой сущностью. Её тело, только что бывшее орудием смерти, теперь стало источником жизни. И в этом был ужасающий, священный парадокс.

Они насытились и уснули теплыми комочками у неё на коленях, на животе. Их дыхание стало ровным. А она смотрела на них и чувствовала, как через эту странную связь, эту «пуповину» из нектара и тепла, в неё вливается нечто новое. Не память. Принадлежность. У неё не было имени. Не бы-

ло прошлого. Но теперь у неё было это. Обязательство. Тихая ярость материнства, направленная на защиту. Они были её тайной. Её слабостью. Её единственным, хрупким мостиком в этот жестокий мир, в котором она была чудовищем, но могла быть и чем-то иным.

Когда первые лучи солнца упали на вход в логово, она знала, что не уйдет. Она будет их охотником, их щитом, их странной, неродной матерью. Она будет добывать для них мясо, а для себя... для себя ей нужно было разгадать новую загадку. Загадку той жажды, что просыпалась в ней при виде крови, и той силы, что позволяла давать жизнь. И возможно, возвращая этих слепых волчат, она сможет вырастить и что-то внутри себя. Что-то, что не позволит ей окончательно стать тем монстром, чей образ она только что увидела в волчьей крови.

Глава 3

Это была эпоха, отмеренная не годами, а сменами шкур. Она не вела счёт зимам, но знала каждую весну по запаху проталин, каждую осень по горечи увядания, и каждую лютовую стужу — по тому, как её волки жались к ней в логове, уже слишком большие, чтобы уместиться все вместе.

Рост. Сначала они были пятью слепыми комочками, полностью зависящими от её странного, светящегося «молока». Потом — неуклюжими подростками на толстых лапах, учащимися драться и гоняться за стрекозами. Она была их мишенью и тренажёром — они висли на её потертой оленьей шкуре (первая добыча, которую она принесла для них), кусали её за руки и ноги, не оставляя и царапины на её прочной коже. Она терпела, поправляла их лапы, учила глухой рык превращать в тихое, предупреждающее ворчание.

Потом они стали стаей. И она — её ядром. Матерью-призраком, которая не выла на луну, но чей тихий свист был для них законом. Она дала им имена не словами, а образами в голове и жестами:

Серый — первый, самый сильный и осторожный, её тень и правое плечо.

Рыжик — непоседа с огненным подпалом, вечный исследователь.

Тиша — молчаливый, с глубоким, понимающим взглядом.

дом, умевший находить дичь по едва уловимым следам.

Белянка — единственная волчица, шерсть которой со временем стала почти снежной, быстрая и смертоносная в броске.

Малыш — тот самый слабый, выживший. Он так навсегда и остался чуть меньше, хитрее, с хитрой искоркой в глазах. Её любимец, хотя она никогда не показывала этого.

Охота. Они научились говорить на одном языке — языке взгляда, поворота головы, напряжения мышц. Охота была их общим танцем, где она задавала мелодию смертоносной тишины. Она не бежала, как они. Она являлась. Вырастала на тропе оленя из-за дерева, будто сама тень, отсекала его от стада и направляла прямо в зубы растянувшейся цепью волков. Она научила их не просто убивать, а загонять, отсекать, работать как единый механизм. И когда добыча была повержена, она отходила в сторону, позволяя им пировать первыми. Её голод был иным. Она ела сырое мясо без отвращения, но истинную сытость ощущала лишь от тёплой, только что пролитой крови. Это был их молчаливый договор: они получали плоть, она — жизненную силу, пульсирующую в алом потоке.

Жизнь. Их логово перемещалось. Сначала расщелина под елью, потом пещера у ручья, потом глухая чаша, защищённая буреломом. Где бы они ни были, это было домом. Днём они спали, сваясь в один большой, дышащий, тёплый ком. Она лежала в центре, и их дыхание, их храпы, их сновидче-

ские подёргивания были для неё самой глубокой музыкой покоя. Она чесала им за ушами, вычёсывала колтуны весной, терпела, когда взрослые, матёрые волки зализывали ей руки, как щенки.

Она разговаривала с ними. Не на человеческом языке, а тихим, горловым бормотанием, полным интонаций, которые они понимали без слов. — Иди сюда, глупый, — когда Рыжик заигрывался слишком далеко. — Тихо, ждём, — перед решающим броском на охоте. — Всё хорошо, — когда ночная грома заставляла их прижиматься к ней.

Любовь. Она не называла это словом. Для неё это была просто правда, такая же незыблемая, как смена дня и ночи. Это был взгляд Серого, который всегда, всегда искал её глаза в чаще, чтобы убедиться, что она там. Это была холодная мокрая носина Белянки, тыкающаяся ей в щёку на рассвете, чтобы разбудить. Это было терпеливое тело Тиши, служившее ей подушкой долгими зимними ночами. Это были игры Малыша, который, уже будучи взрослым зверем, мог повалить её в снег и радостно вилять обрубком хвоста, тычась мордой в её шею.

Они были её семьёй. Её единственным миром. Они отгородили её от ужаса её собственной природы. Пока она заботилась о них, защищала их, учила их — она не была монстром. Она была матерью. Существом, чья сила имела смысл и применение.

Они были её семьёй. Её единственным миром. Они отго-

родили её от ужаса её собственной природы, но и сами перестали быть просто частью леса.

Они изменились. С того самого первого глотка её перламутрового «молока» в них медленно входила частица её сущности. Она видела это по мере их взросления.

Их глаза, янтарные у щенков, с годами становились светящимися, будто в них застыл тот самый лунный отсвет, что был в её молоке. В темноте они горели не отражённым светом, а мягким внутренним сиянием, как у глубоководных существ.

Шерсть утратила обычную волчью матовость. Под определённым углом, особенно в лунные ночи, она отливала серебристым, почти металлическим блеском. Они двигались среди теней бесшумно, не просто как хищники, а как призраки, не тревожа мха под лапами.

Их сила и выносливость вышли за рамки звериных. Они могли гнать лося сутки напролёт, не выказывая изнеможения. Их укусы дробили кости крупнее оленьих. А их интеллект... Он пугал её иногда. Они понимали не только жесты и интонации, но, казалось, улавливали её намерения, её настроение. Они выстраивали сложные тактические схемы на охоте без единого звука, лишь обменявшись взглядами, в которых читалось почти человеческое расчетливое понимание.

Они не болели. Раны, которые у обычного волка стали бы смертельными, затягивались на их телах с пугающей скоростью, оставляя лишь тонкие, серебристые шрамы. Зимние

стужи, от которых гибли целые стаи, были им нипочём.

Они стали легендой тайги. Суеверным страхом для охотников, необъяснимым кошмаром для медведей и тигров. «Серая Тень» и её «Призрачная Стая». Их боялись даже сородичи-волки, чувствуя в них чужаков, стоящих на ступень выше в пищевой цепи.

Но для неё они были прежними. Серый, чья светящаяся в темноте морда тыкалась в её ладонь, требуя почёсывания. Малыш, который, несмотря на свою хитрость и силу, пощечьями валил её с ног, зализывая лицо. Они были её детьми. И эта любовь, эта тихая ярость материнства, была якорем, удерживающим её странную душу от полного погружения в холодную, хищную пустоту.

Она не старела. И они, казалось, замерли в расцвете своей необычной силы. Но время в лесу всесильно. Оно не проявлялось в морщинах или седине, но в ином. В том, как Серый, её верный страж, стал чуть более вдумчивым, менее импульсивным. В том, как игры Рыжика стали не безудержной тратой энергии, а ритуалом. Они жили не в обычном времени зверей, а в растянутом, призрачном веке, который она им подарила.

Глава 4

Ветер принёс весть первым. Не запах — его перебивала смола и гниль. Звук. Далёкий, мерный, человеческий. Топкий, глухой стук — удар обуха о дерево. Потом — треск. Не тот, знакомый, сухой треск падающего от старости кедра. А чёткий, влажный, методичный хруст — будто лес методично ломают по суставам, но медленно, с тяжким усилием.

Она замерла на скале, и замерла вся её стая. Светящиеся глаза волков устремились в одну точку на горизонте, откуда долетал этот мерный, неумолимый стук. Лес в той стороне уже не пел. Он стонал. Она почувствовала это кожей — вибрацию земли от падения великанов, пульсацию страха, что струилась от всех живых существ, бегущих оттуда.

Она пошла на разведку одна, велев волкам ждать. То, что она увидела, заставило её — бессмертную, неуязвимую — впервые содрогнуться от чистого, леденящего кошмара.

Была не просека. Была рана. Узкая, грязная полоса земли, утыканная обрубками могучих стволов, похожих на разбросанные кости. Но не было чудовищ из железа и дыма. Были они. Люди. Мужчины в посконных портах и тулупах, с грубыми, загорелыми лицами. Они работали молча, с сосредоточенной, потной жестокостью. Один, упершись ногой в ствол, с размаху вгонял в плоть дерева длинный, тяжелый топор. Металл со стоном вгрызался в древесину. Двое других,

уперевшись плечами в длинные жерди-ваги, с хриплым криком «Поддай!» налегали на подпиленный ствол. И вековой исполин, с медленным, страшным скрипом, падал на землю, сотрясая её и поднимая тучи хвои и пыли. Звук его падения был глухим, окончательным, как удар по сердцу.

Они не пожирали лес машинами. Они отвоевывали его у тайги сокрушительным, грубым трудом. Рядом дымили костры, где смолили пни, и стояли примитивные деревянные волокуши. Запах был человеческий: пот, деготь, дым костров и свежей щепы. Запах покорения.

Но это было только начало. След привёл их дальше, к краю леса, туда, где тайга отступала перед поселением. Она впервые увидела творение людей.

Небольшая деревушка, окружённая частоколом из заострённых брёвен. Низкие, закопчённые избы с маленькими волоковыми окошками. Грязь, перемешанная с навозом и щепой. И люди. Много людей. Мужики с топорами у пояса, бабы в холщовых сарафанах, таскавшие воду в берестяных буроках, дети — полуголые, грязные, резвящиеся у тына.

Она стояла на опушке, в тени последних кедров, и волки, прижавшиеся к ней, глухо рычали. Она смотрела на это скопление существ, которые должны были быть ей сородичами. И не чувствовала ничего, кроме леденящего отчуждения.

Они были хрупкими. Шумными. Но в их движениях была упрямая, тупая сила, а в глазах — не звериная ясность, а смесь усталости, злобы и простого, животного существова-

ния. Она видела, как один мужик грубо оттолкнул женщину с коромыслом. Видела, как подростки загоняли в угол щенка, тыча в него палками. Видела пустые, потухшие взгляды старика, сидевшего на завалинке.

Это не была цивилизация. Это была сила, грубая и примитивная, одетая в лохмотья и вооружённая сталью и огнём. Они не жили в гармонии с миром. Они выгрызали у него место для себя, не глядя по сторонам. И сейчас они методично, топор за топором, убивали её мир. Её дом.

В её груди, где много лет теплилось только тихое пламя материнской любви, вспыхнуло новое чувство. Холодная, беззвёздная тьма. Не слепая ярость зверя. А тихое, бездонное понимание: эта угроза была упорной, многочисленной и бесчувственной, как сама смерть. И решение созрело молча.

Она повернулась к своей стае. Светящиеся в сумерках глаза её волков отражали её собственный, каменный взгляд. Она не произнесла ни звука. Но они всё поняли. Поняли по опустившимся ушам, по напряжению в её плечах, по тому, как воздух вокруг неё стал холоднее и гуще, будто перед грозой.

Угроза обрела форму, запах пота и дыма, и звук — мерный, неумолимый стук топора. У неё теперь было лицо. Лицо этих грубых, загорелых, смертельно упрямых существ. И лес, её лес, стонал у неё за спины. Она дала ему обещание не словами, а всей своей чудовищной, древней сущностью.

Они пришли в её дом с топорами. Теперь она пойдёт в их

— с тишиной и когтями.

Она пошла одна, на рассвете. Надела шкуру, выделаную когда-то для тепла, и смазала лицо и руки древесной золой, чтобы скрыть неестественную белизну кожи. Волкам велела ждать на глухом болоте — её последний, непререкаемый приказ. Стая подчинилась, но светящиеся глаза полыхали тревогой.

Она не вошла в деревню. Она явилась из леса утром, когда первая стража у ворот менялась. Замерла на опушке, в полосе тумана, безоружная, с пустыми руками. Просто смотрела.

Их заметили. Крики, суета. Потом — осторожное приближение двух мужчин с рогатинами. Она не двинулась с места. Просто смотрела на их лица — обветренные, покрытые морщинами и странной растительностью (бороды, она позже узнает это слово), на их глаза, в которых читались страх, любопытство, а затем — изумление.

Она была слишком прекрасна, даже под слоем грязи. И слишком странна. В её движениях была грация хищника, а взгляд был пуст и глубок, как лесное озеро.

— Ты чья? Откуда? — спросил старший, суровый. Она только покачала головой. Голос. Она почти забыла его звучание.

Они приняли её за пропавшую, за отбившуюся от своих, за «лесную диковинку», посланную самим лешим, чтобы испытать их. И в их жестоком мире сработал древний закон гостеприимства и суеверный страх перед темнотой тайги. Её

ввели за частокол.

Учение. Они начали «очеловечивать» её с простого. Женщины, крестясь, научили её доить козу. Её пальцы, способные разорвать глотку лосю, с непривычки чуть не сломали животному ногу, но она научилась — быстро, с пугающей точностью. Ей показали, как месить тесто. Её руки раздавили первую краюху в твёрдый ком, но вторая уже получилась почти правильной. Ей дали ложку. Она долго смотрела на этот изогнутый кусок дерева, прежде чем понять его назначение. Её учили словам: «хлеб», «вода», «огонь». Она повторяла их без выражения, как попугай, её собственный голос звучал для неё чужим и плоским.

И всё это время она наблюдала. Она видела, как они смеются, а в глазах остаётся усталость. Как они делят скудную еду, а потом тот же мужчина бьёт жену за пролитое молоко. Как дети играют в «охоту на медведя», и в их играх та же жесткость, что и у взрослых на самом деле. Они были непоследовательны. Добры утром и злы к вечеру. Щедры к ней, незнакомке, и скупы друг к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.